

Олег Комков

ПОСВЯЩЕНИЯ ВАДИМА МОЛОДОГО

Посвящение: обряд, опыт – дар, жертва – форма, жанр.

Посвящение объединяет под сенью священного те смыслы, энергии и события, которые в языках классических культур именовались разными словами. Обычно бывает наоборот: те значения, что некогда со-держались в духовной ёмкости древнего слова, в современном языке оказываются разнесёнными по разным слоям и областям узуса.

Русский глагол «посвящать» обладает духовной ёмкостью древнего слова.

В посвящающей речи поэта вмещающий простор этого слова является как живое, напряжённое пространство свершения.

Тайное пространство. Пространство тайны.

Посвящающая речь поэта посвящает в таинство его внутреннего собеседования с теми, для кого слово стало мерой мира и бытия, — ближними и дальними, живыми и умершими. «Посвящать в мистерию» по-гречески — *μυέω*, от этого глагола происходит *μύστης* — посвящённый, мист. Все, к кому обращены стихи поэта, — мисты, собравшиеся в пространстве мистерии либо причастные к нему. В свою очередь, *μυέω* связан с *μύω* — «закрывать, замыкать». Внутреннее пространство, место мистерии — закрыто, замкнуто. Замкнуты уста. Посвящение в таинство есть вступление (римляне станут говорить — *initium*) в молчание. У пифагорейцев неофитам перед инициацией предписывалось молчать в течение пяти лет. Это было упражнение в молчании, *μελέτη*. В мистерии осуществляется подлинный опыт замкнутых уст. В молчании рождается внутреннее слово, *λόγος ἐνδιάθετος*. Общение поэта с посвящёнными ведётся на языке внутреннего слова.

Греческий язык не выговаривает того, что посвящающая речь освящена молчанием, хранящим тайну, и освящает слово произнесённое. Царство произнесённого, в котором все мы ежедневно пребываем:

*Неоднозначность образов и слов,
неясность снов, невнятность откровений...
(Михаилу Гаспарову)*

В этой апофатике Вадима Молодого — неслышное звучание неисследимого, таинственной, одушевляющей глубины, из которой слышимое слово про-из-несено. Поэтическое посвящение посвящает и освящает, приобщая к тайне невыговариваемого. Это посвящающее освящение есть дар.

Посвящение-приношение богам: жертва, возлияние; посвящение-служение, посвящение себя: клятва, обет; посвящение-подношение плодов своего труда другому: благодарение. Посвящение сочетает в опыте произнесённого небесное и земное, божественное и человеческое, внутреннее и внешнее, своё и иное.

Когда мы посвящаем время чему-то или кому-то — мы воспринимаем само время как непреходящий, священный дар бытия. Мы становимся им.

Пишущий посвящение — мистагог. Его речь погружена в бездну и бездной освящена — той самой бездной, в которую на каждом шагу, не ведая того, все проваливается суетный мир:

*Отвратительный мир неприкрытого срама,
мир мышинной возни и собачьих боёв,
где трагедия – фарс, где играется драма
трупной бездарей, хамов и их холуёв...
(Евгению Витковскому)*

— и которая для поэта есть разверстое сердце подлинного мира — мира мистерии. В

произнесённом слове мистерия не может быть названа. Речь мистагога разворачивается в оскудении бытия — если воспользоваться неоплатонической образностью, можно сказать: на периферии света, у закосневшей, оплотневшей гилетической границы сущего. На этой периферии посвящающая речь не только апофатична, но и неминуемо, необходимо гротескна: внутреннее слово, несущее собранность и строгость молчания, проступает во тьме квази-небытия в причудливых и жутковатых формах, облакаясь в эйдолы, фантазмы. Они наполняют мир стихов Вадима Молóдого — в той мере, в какой стихи воплощают эту периферию космоса:

*Гнилая кровь сочится из земли,
залито поле брани трупным ядом.*

*Слепой старик сжигает корабли,
и дух сомненья мрачно бродит рядом.
(Владиславу Ходасевичу)*

*Лизнув колеса, лег на рельсы пар,
поникший дым к трубе прижался робко.
Угрюмый красноглазый кочегар
куски моей души бросает в топку.*

*Туман промозглый, мокрая земля,
усталый Йорик дремлет, яму вырыв,
носильщики, губами шевеля,
разносят по вагонам пассажиров.
(Ивану Елагину)*

*Висят как туши звезды на крюках,
орел раскинул крылья в облаках,

и капает Луны кровавый сок
на времени обугленный песок.
(Николаю Гумилеву)*

Примеров множество. Образы, которые называют «готическими». Это не метафоры. Это плоть и кровь нашего существования. Это боль поэта. И порою лишь сквозь эти знамения боли — из мира «здешнего» — мы, словно сквозь мутное стекло, угадываем пространство мистерии:

*И входит ужас. В час рассвета,
сквозь муть оконного стекла,
когда, в предчувствии ответа,
устало Морта рассекла
тупыми ножницами пряжу.
(Веронике Афанасьевой)*

Лишь сквозь шум словес мира «здешнего» слышим разговор посвящённых.

Однако этот шум словес есть ничто иное, как эхо вселяющего ужас шума ангельских крыл. И каждому из «здешних» слов поэт знает цену, ибо каждое слово — сосуд, в котором резонирует молчание тайны. Посвящающая речь поэта вслушивается в мир произнесённого и в изречении хранит ясность услышанного. Это дань и дар мудрости.

Я не оговорился: речь вслушивается. Вслушивание речи есть поэтическое пребывание

в мире произнесённого; изрекающее хранение ясности услышанного — поэтический помысел мира. Слово «помысел» достаточно точно переводит то, что говорят греческая *μελέτη* и латинская *meditatio*: внемлющее прохождение мыслью чрез опыт иного, мысленное проживание иного. Посвящающий дар поэта, помыслив мир, осмысляет и собирает его под сенью священного: в логосе (*λόγος* — от *λέγω*). Мир мифологических образов и символов, аллюзий и цитат — всего того, что называют «культурными смыслами» и что традиционно трактуется как духовный фундамент поэтики Вадима Молóдного, — обретает в посвящающем помысле спасение: оскудению бытия с каждым словом кладётся предел и речь в каждом слове обращается к своему истоку, возвращается во внутреннее пространство тайны.

*...Наяву ли, во сне ли,
познавая явлений сокрытую связь,
я, взлетев до небес, покидаю качели
и сметаю с подошв надоевшую грязь.*

(Федору Сологубу)

Посвящающий помысел поэта — опыт возделывания души для возможности непрестанно слышать исток произнесённого. Это опыт культуры. Слышать священное. Стоять в начале.

*Там, где носится дух, где безвидна земля и пуста,
где вместилища душ не возникли до срока из праха,
там, где нет ничего, до предательства и до креста,
там, где замерло все, от бесплодной надежды и страха,*

*я стою. Но на чем? Нет ни тверди, ни звезд, ни луны,
нет ни ада, ни рая, ни жизни, ни смерти, ни слова,
нет ни яви, ни света. Но есть ожиданья и сны,
и душа, что на плаху улечься с улыбкой готова.*

(Геннадью Зельдовичу)

Рекущее молчание. Исполненная духом пустота. Таинство. Жертва. Дар.

Новая книга Вадима Молóдного не просто «наследует» давней традиции литературных посвящений. Здесь посвящение раскрывается как «внутренняя форма» творчества поэта, как жанр не литературный, но бытийный, как само существо поэзии.

Каждое стихотворение — посвящение в культуру мысли и слова.

Посвящение в культ.

Sapienti sat.